

далекое — близкое

КОРОЛЬ СУФЛЕРОВ

Издательским отделом Всероссийского театрального общества готовится к выпуску книга народного артиста СССР Николая Рыжова «О Варваре Рыжовой». Большинство страниц этой книги посвящено матери автора, народной артистке Советского Союза В. Н. Рыжовой. Но, рассказывая о Варваре Николаевне, автор касается и истории всей театральной династии Бороздиных — Музилей — Рыжовых, пять поколений которой прослужили в Малом театре в общей сложности 135 лет. Естественно, в орбиту повествования включены и некоторые страницы истории «Дома Островского», воспоминания об известных актерах, драматургах и других людях, связанных с этим театром. Об одном из них, В. А. Зайцеве, — отрывок, который мы предлагаем вниманию читателей.

Владимир Алексеевич Зайцев в театральных кругах слыл «королем суфлеров». Между прочим, у многих — то ли на основании собственных наблюдений, то ли по навязчивому примеру нескольких литературных персонажей — сложилось твердое мнение, будто суфлер — всегда несостоявшийся актер, неудачник, который тем не менее так предан театру, что не может жить вне его атмосферы и согласен на любую, самую черную, самую неблагодарную работу.

Начну с того, что это в принципе неверно. Нет, возможно, вполне вероятно, что таких суфлеров можно было встретить где-нибудь в скверных провинциальных труппах, но это вовсе и не были профессиональные суфлеры, а так, случайные, часто действительно опустившиеся люди, искавшие заработка. Думаю, что они с таким же успехом, то есть без всякого успеха, могли выполнять и выполняли десятки других обязанностей в театре или вне его, в то время как профессия театрального суфлера требует от человека многого: и дарования, и интеллигентности, и образованности, и великолепной дикции, и слуха, и находчивости, и такта. Но зачем я это говорю? Не проще ли рассказать о Владимире Алексеевиче Зайцеве?

Да уж, на штамп, о котором я говорил только что, он был похож менее всего: всегда великолепно одетый, безупречно выбритый, безмерно галантный, Владимир Алексеевич Зайцев был, что называется, настоящий мастер. При этом он прекрасно владел не одним иностранным языком, великолепно знал литературу, а уж тексты всех пьес, когда бы то ни было игранных в Малом театре, помнил наизусть.

Не надо думать, будто в театре можно играть, повторяя текст монологов и реплики за суфлером. Этого никогда не было и не будет (опять-таки исключая какие-нибудь бродячие труппы, выступавшие до революции в заштатных городишках). Настоящий театральный суфлер с момента, когда поднимается или раздвигается занавес, и до самого последнего слова артистов неукоснительно следит за ходом пьесы и текстом и «подает», то есть подсказывает, произносит реплику действующего лица только в тех редких случаях, когда почему-либо на сцене происходит заминка (актер забыл нужную реплику, партнер не точно бросил свою и сбил актера и т. д.). Вот здесь и должны проявляться талант суфлера, чувство меры, такт. Неумелый, бездарный суфлер не сумеет подать реплику вовремя, подать ее так, чтобы быть услышанным только тем актером, который нуждается в помощи, наконец, вообще определить, надо или не надо подавать. Для этого мало знать текст, режиссерское решение мизансцен. Надо знать каждого актера, его сущность художника-творца, который, сто, двести, пятьсот раз играя один и тот же спектакль, никогда не повторяется, от которого каждый раз можно и нужно ждать чего-то нового, неожиданного.

Именно таким был «король суфлеров» Владимир Алексеевич Зайцев, не раз спасавший от провала отдельных артистов, а вместе с ними и весь спектакль. Так, кстати сказать, было во время спектакля «Король Ричард III».

Заглавную роль играл Александр Иванович Южин. Играл бесподобно, зал затаил дыхание, его вообще нет. Дышит, говорит, живет только он, Ричард — Южин. Трудно сказать, как и почему это произошло, но вдруг происходит невероятное: в кульминационной сцене Южин забывает произнести, пропускает ключевой монолог, без которого невозможно играть следующие сцены, они лишаются всякого смысла, а Александр Иванович уже бросает следующую реплику, как будто он, как полагается, произнес свой коронный монолог. И тогда из суфлерской будки, не слышимый даже для первых рядов партера, раздается настойчиво обращенный к Южину голос Зайцева. Он подает текст белыми стихами, которые никогда не были написаны Шекспиром. Их нет в пьесе, их только что сочинил суфлер Зайцев, но они необходимы, они возвращают спектакль к тому моменту, в который Южин должен начать свой монолог. И в голосе суфлера столько власти, силы, убежденности, что актеры подчиняются ему, произносят поданные реплики, после которых Зайцев подает первую фразу монолог, а Южин с блеском произносит его, страстно, могуче бросая

слова в зал, пребывающий в полной уверенности, что все идет, как надо.

Надо сказать, что заслужить титул «короля суфлеров» было не так уж просто: история театрального искусства знала многих замечательных мастеров своего дела. Взять, к примеру, хотя бы Николая Алексеевича Ермолова, отца великой артистки, также служившего в Малом театре. Это был на редкость талантливый суфлер. Актеры говорили, что на него можно положиться, как на каменную стену. С. А. Черневский рассказывал, и моя бабушка Варвара Петровна подтверждала, что он обладал колоссальной памятью, знал текст всех пьес из репертуара театра наизусть, так что мог «подавать» реплики, держа тетрадь с пьесой перевернутой вверх ногами или совсем без нее. К тому же он не только «подавал» текст, а подсказывал и интонации, указывал места на сцене и т. д., так как сам он начинал как артист, да и потом, когда Николай Алексеевич стал профессиональным, в высоком смысле этого слова, суфлером, ему нередко приходилось вылезать из суфлерской будки и одеваться в чужой костюм, если неожиданно заболел кто-нибудь из актеров. И он ни разу ничего не перепутал, не забыл. А уж что касается суфлерской помощи, то ее Ермолову случалось оказывать даже самым знаменитым артистам, таким, например, как Иван Васильевич Самарин.

Ну а теперь о серебряном портсигаре.

В Малом театре идет четвертый акт «Ревизора». Хлебаков — Остужев сидит на сцене за маленьким столом. Перед ним лист чистой бумаги. В руке перо: он должен начать писать письмо своему петербургскому приятелю Тряпичкину, произнося одновременно текст: «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин...». Но Остужев сидит молча и напряженно смотрит на чистый лист бумаги: он забыл, что надо говорить, а главное — о чем надо говорить. Провал. Секунды текут, как вечность. Лоб Остужева покрывает холодный, липкий пот. Он силится вспомнить, о чем следует сказать, и не может, не может, хоть провались сквозь землю...

Из суфлерской будки Зайцев подает ему текст:

— Спешу уведомить тебя...

Остужев молчит. Зайцев подает громче:

— Спешу уведомить тебя...

Остужев не слышит шепота. Он был уже почти глухим и заучивал, а потом на сцене произносил не только свою роль, но и всю пьесу (чужие реплики, разумеется, мысленно, не вслух), чтобы вовремя произнести свою реплику. Сейчас он даже не смотрит на суфлерскую будку. И тогда король суфлеров, сложив руки рупором, во весь голос кричит, четко скандируя:

— Са-ша! О-Тря-пич-ки-не!

Это было настолько неожиданно, настолько дерзко до необычайности и громко до неприличия в полной тишине зала, что весь партер, как от порыва урагана, повернул головы назад, не допуская даже мысли, что дикий вопль мог раздаться со сцены, и думая, что это выкрикнул какой-нибудь подвыпивший гуляка с верхних ярусов или галерки.

— Какое безобразие! Тише! Хулиганство! — зашелестело в партере. А Остужев услышал трубный глас суфлера, и хоть он показался ему не громче шепота, уловил смысл, все вспомнил и пошел далее без сучка и задоринки.

Надо было видеть благодарные глаза Остужева, его прекрасные синие глаза, когда после спектакля он без конца обнимал и целовал своего спасителя, потеряв от волнения голос.

А через несколько дней спектакль начался второго акта спектакля Остужев пригласил всех товарищей, в том числе и Зайцева, в «курилку» и, еще раз расцеловав суфлера, сказал:

— Володя, ты — гений!

Ты не просто король суфлеров, ты — король королей! — и поднес Зайцеву на память об этом случае «спасения утопающего» портсигар, правда, не золотой, а серебряный и без бриллианта, зато с надписью, которая была Зайцеву дороже ста бриллиантов: «Са-ша! О-Тря-пич-ки-не!» Благодарный А. Остужев». Внизу стояла дата того спектакля, которую я теперь уже не помню, хотя портсигар видел не раз, так как В. Зайцев никогда с ним не расставался до самой смерти, гордясь тем, что сумел помочь великому артисту и заслужить его благодарность.